

Когда Веньян, полностью восстановившись, вернулся в деревню, встретили его уже не так настороженно. Если раньше взгляды, направленные на него, сочились недоверием, как подгнивший фрукт зловонным соком, то теперь они источали благодарность, как едва распустившийся бутон ароматного цветка. Едва завидев его, жители почтительно кланялись, а девушки мило улыбались, о чём-то смущённо шепчась. Такое внимание было Веньяну в новинку — проведя всю жизнь в изоляции, он совершенно не знал, как реагировать и что нужно делать в таких случаях, а потому неловко кланялся в ответ и, должно быть, выглядел комично испуганным.

В первый его визит люди здесь больше напоминали измученные тени, сегодня они улыбались. В целом в деревне царил атмосфера лёгкой оживлённости, словно все жители, как один большой организм, освободились от болезни, не дававшей им нормально дышать.

— Достопочтенный господин!

Веньян обернулся на голос. Хо Чжин спешил к нему из своей обветшалой гончарной лавки, вытирая руки какой-то старой тряпкой. Подбежав, он низко поклонился и Веньян насторожился, как бы тот снова не начал падать в ноги. К счастью, обошлось.

— Рад видеть вас в добром здравии!

Хо Чжин с их первой встречи стал выглядеть лучше. На нём всё ещё была старая затёртая одежда, местами заляпанная глиной и кое-где прожжённая, но глаза выглядели живыми — не затуманенные поволокой непролитых слёз, по цвету они оказались чуть желтоватыми, как иссохший на солнце стебель бамбука. Губы его, потрескавшиеся и кое-где стянутые корочками, изогнулись — это ещё не была улыбка счастливого человека, скорее, так улыбается тот, кто учится делать это заново. Налетел порыв холодного северного ветра, взметнув полы запылившихся с дороги одежд, но Веньян почувствовал тепло, словно в груди его открылся горячий источник.

— Ты улыбаешься.

Возможно, это не было тем, что стоило озвучить, но Веньян совсем не имел опыта в общении с людьми. Он чувствовал себя странно несуразно и, казалось, будто его привычные белые одежды, отражающие даже самый блёклый свет, только сильнее приковывали к нему заинтересованные взгляды.

Хо Чжин неловко смял и без того выдавшую виды тряпку. Он и сам толком не знал, как следует общаться с заклинателями, тем более, что отродясь их в этих краях не видел. Но он был простым человеком, не подкованным в тонкостях этикета, но добродушным и лёгким, не смотря на все тяготы, выпавшие ему по судьбе.

— Как не улыбаться, — сказал он, отточенным движением закидывая тряпку на плечо, — господин освободил нашу деревню от скверны и подарил покой моей Минь-Минь. Я всё ещё тоскую по ней, но теперь, зная, что душа её нашла пристанище, могу двигаться дальше.

У Веняна кольнуло в груди. Хо Чжин ничего не смыслил в заклинательстве и не мог знать, что душа его Минь-Минь рассеялась в тот же миг, как она решила оборвать собственную жизнь. Должен ли он сказать правду? Неведение — благо, так он сам однажды ответил Ху Шеню. Но никто не предупреждал его, что для хранящего тайну — это тяжкое бремя.

— Идёмте, господин, вам нужно кое-что увидеть, — голос Хо Чжина, нетерпеливый и чуть хриловатый, выдернул Веняна из раздумий быстрее, чем он смог найти ответы на терзавшие его вопросы. Хотя, едва ли он вообще смог бы это сделать.

Венян узнавал дорогу — хотя не велика была и задача — деревня была настолько маленькой, что состояла-то всего из одной улицы. Хо Чжин повёл его напрямик к злосчастному дому бывшего старосты. Пока они шли, жители то и дело замирали, откладывая свои дела и смотря на Веняна так, будто сам небожитель спустился на землю.

— Это же Шуан-цзюнь?[1]

— Сама как думаешь? Кому бы ещё это быть!

— Такой красавчик!

— Тихо ты! Он же услышит, бесстыдница!

Венян остановился, ища глазами источник не очень-то тихого женского шёпота. Неподалёку две молоденькие девушки развешивали бельё сушиться в одном из дворов. На вид им было не больше семнадцати и похожи они были как две капли воды — темноволосые и бледнокожие, они смущённо улыбнулись, застигнутые врасплох, и почтительно поклонились. Веняну было настолько неловко, что он почти забыл вернуть любезность, совсем растерявшись.

— Шуан-цзюнь! Добро пожаловать! — Одна из девушек вдруг помахала ему рукой, нетерпеливо подпрыгивая на мысочках и задорно улыбаясь, пока вторая отчаянно дёргала её за рукав, призывая успокоиться.

— Перестань! Стыд-то какой!

Венян, почувствовав странный жар на кончиках ушей, не знал, куда себя деть. Он не понимал, стоило ли ответить или просто продолжить путь, но ноги словно корни пустили в землю и он так и замер на месте, выходя до смешного испуганно. Становиться объектом чужого внимания было странно и непривычно — он умел общаться с мёртвыми, с живыми же всё оказалось куда труднее. Хо Чжин, наблюдая за этой картиной, едва сдерживал смехок, незаметно прикусив внутреннюю сторону щеки.

— Что за шум? — Мужчина почтенного возраста, показавшийся на пороге, оказался спасением. Быстро оценив ситуацию, он прицокнул языком, скорее разочарованно, нежели

раздражённо, и взмахнул худосочной рукой. — Ну-ка в дом, бесстыдницы! Увидели красивого господина и защебетали, посмотрите на них. Не пристало благовоспитанным девушкам так себя вести.

Пристыженные девушки впорхнули в дом, но, очевидно, совсем не раскаивались в содеянном — эхо их звонкого смеха звучало как чистый горный ручеёк.

— Прошу прощения за моих дочерей, Шуан-цзюнь, — сказал мужчина, подойдя ближе. — Мы с женой поздно испытали радость родительства, вот и разбаловали их совсем.

Веньян неловко улыбнулся.

— У вас прекрасные дочери.

Мужчина, худой и с серебром на висках, оказался нынешним местным старостой. Невысокий, слегка ссутулившийся, в простых одеждах из грубой ткани, он напоминал старого волка — уже не охотник, но ещё не совсем не у дел. Он мягко улыбался и глаза его становились похожи на два полумесяца. Удивительно, подумал Веньян, как людям, живущим в таком мрачном месте, удаётся держать сердца открытыми.

— Хо Чжин, кажется ты ведёшь нашего гостя показать, что мы сделали в его честь? Чтож, тогда не буду вас задерживать. Если господин не будет против, я бы хотел после встретиться в чайной и кое о чём поговорить.

— Конечно, дядюшка Бэй, — с энтузиазмом отозвался Хо Чжин, но тут же осёкся, виновато смотря на Веньяна. Они ведь не были друзьями, а он повёл себя так фамильярно, решив всё за двоих. — То есть...

— С радостью пообщаюсь с вами и выслушаю.

Они, действительно, не были друзьями. Но у Веньяна вообще никогда не было друзей. Как и обычного, человеческого, общения — Ху Шень не то, чтобы очень разговорчив. Ближайшая к барьеру деревня была совсем маленькой, но для Веньяна она казалась огромным водоворотом чего-то нового и манящего.

Попрощавшись на время со старостой, они неспешно продолжили путь. Хо Чжин шёл чуть впереди и Веньян задумчиво разглядывал его силуэт — он был худ, остёр плечами и пучок сухих, явно неухоженных волос сильно растрепался. Совсем недавно, падая Веньяну в ноги, он напоминал скорее живого мертвеца, сейчас же походка его была лёгкой, если не считать едва заметного прихрамывания на правую ногу — видимо, бывшая травма ещё давала о себе знать. Он тихо напевал какую-то мелодию и то и дело заправлял за ухо прядь волос. У Веньяна не было большого опыта, но насколько он мог судить по условиям жизни, люди в этих краях выглядели старше своего возраста, а потому он даже не брался предполагать, сколько Хо Чжину могло быть лет — скорее всего, чуть больше тридцати. В конце концов, возраст — такое

относительное понятие, кому как не Веньяну это знать.

— Хо Чжин? — Окликнул он, вспомнив, наконец, кое-что странное. — Почему все зовут меня Шуан-цзюнь?

Остановившись, Хо Чжин, потёр ладонью затылок, словно вопрос заставил его испытать неловкое смущение.

— Мы ведь не знали имени господина. Честно признаться, это я предложил, а остальные так и подхватили. Если не нравится, вы только скажите! — Подняв руки, словно застигнутый на месте преступления, Хо Чжин нервно прикусил губу.

Веньян задумался, пару раз мысленно прокатив прозвище на языке. Наверное, стоило просто назвать настоящее имя, но отчего-то Веньяну не хотелось этого делать. Всю свою жизнь он слышал его из уст только одного человека и в глубине души хотел, чтобы так оставалось и впредь. Словно это было чем-то слишком сокровенным, слишком интимным.

— Звучит неплохо, — улыбнулся он, подойдя и похлопав Хотя Чжина по плечу, — мне нравится.

За разговорами они, наконец, дошли до дома бывшего старосты и Веньян не смог скрыть удивления. Кажется, люди здесь не привыкли сидеть сложа руки и всего за несколько дней отсутствия Веньяна добросовестно выполнили его наставление. На месте бывшего дома чернело пепелище и даже запах гари ещё ощутимо витал в воздухе, не осталось ни досок, ни одного обломка, способного хотя бы немного сохранить отголосок тёмной энергии. Но внимание Веньяна привлекало другое — прямо по центру высилось нечто похожее на импровизированный алтарь с тлеющими благовониями и небогатыми подношениями в виде диких яблок и слив — большой грубый камень с табличкой на деревянном колышке. Чёрная пепельная пыль окутала полы белых одежд Веньяна, когда он решил подойти поближе. Иероглифы на табличке были совсем никудышные — неровные, словно тот, кто писал их, сомневался в правильности, но ошибок не было.

«Шуан-цзюнь. Душою чист и взором светел».

Гласила кривоватая надпись и Веньян настолько растерялся, что у него пропал дар речи.

— Мы подумали, что ничто не сможет очистить это место лучше молитв, — видя его замешательство, заговорил Хо Чжин. — Все эти дни мы воскуривали благовония в благодарность господину и молились, чтобы он скорее поправился. Наш долг перед вами неоплатен. Чуть позже мы построим здесь небольшое святилище.

Веньян всё смотрел на вихрящийся дымок благовоний и тошнотворный комок густой, горькой слюны встал прямо поперёк горла. Насколько, должно быть, отчаяние захватило этих людей, что они готовы молиться любому незнакомцу, проявившему к ним хотя бы каплю сочувствия и доброты?

— Святилища должно строить богам, — сказал он отчего-то сиплым голосом, — а я простой бродяжка.

Хо Чжин хмыкнул, явно не согласившись.

— Боги давно покинули нас. Шуан-цзюнь подарил нам надежду. Так позвольте же отплатить ему единственно, как мы умеем.

Веньян наклонился, взяв с камня яблоко. Оно было совсем маленьким и явно червивым — с россыпью мелких дырочек на розоватом боку, оно так походило на этот мир — неидеальный, скрывающий внутри что-то гнилое. И Веньян держал его в руках.

Для Веньяна было немного удивительным, что даже в такой маленькой деревне имелась чайная. Хо Чжин объяснил, что она являлась для жителей чем-то вроде места общего сбора по вечерам, где можно приятно побеседовать и просто отдохнуть. Иногда в неё, конечно, заходили торговцы из соседних деревень, но большой выручки она не приносила. Люди здесь вообще были довольно дружными и любили проводить вечера в компании друг друга.

Едва переступив порог, Веньян сразу почувствовал волну окативших его любопытных взглядов. Он неуверенно окинул глазами небольшое помещение и почтительно поклонился сразу всем. Послышались одобрительные возгласы и восторженные перешёптывания. В чайной царил лёгкий полумрак и пахло сушёными листьями и немного свечным воском. Дядюшка Бэй уже ждал их за одним из дальних низких столиков, перед ним стоял простой глиняный чайник и три небольших пиалы.

Чай по вкусу совсем не отличался от того, каким в первую встречу Веньяна угощал Хо Чжин — воды в нём было несоизмеримо больше, чем листьев.

Нынешний староста оказался очень доброжелательным человеком и разговаривать с ним было приятно и легко. Он не стремился ничего выведать у Веньяна, не спрашивал, кто он и откуда взялся, говоря с ним так, будто они и вовсе были старыми друзьями и напряжение Веньяна как рукой сняло. За рассказами о непослушных дочерях, о сложностях жизни на самом отшибе мира и даже о золотых руках Хо Чжина, который чуть ли не всю посуду в деревне изготовил, Веньян даже не заметил, как опустели ещё два чайника, а на столе появились лёгкие закуски в основном из пресного риса и овощей. Возможно, дядюшка Бэй не был так прост, как могло показаться на первый взгляд, и праздная болтовня должна была просто отвлечь и расслабить гостя прежде, чем приступить к чему-то важному.

— Мне очень неловко, Шуан-цзюнь, — наконец решившись, со вздохом сказал он, — вы помогли нашей деревне и мы не вправе просить больше. Но на днях я получил письмо от старосты соседней деревни. Его внучка захворала, а лекарь вот уж неделю ничего не может сделать. Подозревают, что здесь какая тёмная сила замешана, они ведь совсем рядом, всего в часе пешком от нас. Я, старый дурак, на радостях рассказал им о вас и теперь и они уповают на

вашу помощь.

Дядюшка Бэй тяжело выдохнул, сжав в ладонях пиалу с уже остывшим чаем. Слова явно дались ему нелегко — в конце концов он не знал Веньяна, не знал, захочет ли он вообще со всем этим возиться и уместна ли такая просьба.

Веньян мягко коснулся напряжённого запястья старосты. Ему было искренне жаль этих людей, настолько одиноких и всеми покинутых, что даже попросить помощи для них было чем-то постыдным и неправильным.

— Я посмотрю, что можно сделать.

Дядюшка Бэй просиял благодарной улыбкой и Веньян даже заметил блестящие слезинки в уголках его глаз.

— Спасибо, Шуан-цзюнь. Но время уже позднее, лучше отправиться завтра. Я бы предложил вам остановиться на ночь у меня, но негоже приводить в дом к незамужним девушкам мужчину, каким бы добродетельным он ни был.

Сказать по правде, Веньян и сам не был в восторге от мысли провести ночь в обществе юных и весьма взбалмошных девиц. Ему становилось неловко лишь от одного воспоминания об их смущённо-заинтересованных взглядах и игривых улыбках.

— Я с радостью приму господина у себя, — наконец подал голос Хо Чжин, опрокидывая в себя остатки чая, — если он, конечно, не против.

Веньян совсем не был против. Благодарность в его взгляде, должно быть, можно было ощутить физически.

Эта ночь стала для Веньяна первой, проведённой за барьером, вдали от родной маленькой хижины, в которой их с Ху Шенем разделяла тонкая деревянная ширма. Перед сном Веньян всегда незаметно отодвигал её так, чтобы повернувшись на бок, можно было увидеть умиротворённое во сне лицо в свете холодного звёздного сияния. В доме Хо Чжина ширмы не было, у него и вторая циновка-то нашлась с трудом. Веньян привык засыпать, оглаживая взглядом мерно вздымающуюся грудь, разметавшиеся волосы, подрагивающие во сне ресницы. Хо Чжин заснул, едва голова его коснулась подушки. Веньян, привычно повернувшись на бок, всмотрелся в его лицо — темнота могла обмануть глаза, но не сердце.

Эта ночь стала для Веньяна первой, проведённой вдали от Ху Шеня. Она была беспокойной.

Веньян отправился в путь рано утром, едва роса на траве успела обсохнуть. По правде сказать,

ему просто хотелось разобраться со всем побыстрее и вернуться домой. Спал он плохо, то и дело возвращаясь мыслями к человеку, с которым привык делить жизнь. Оставить его в одиночестве, а самому бродить по окрестностям казалось странно неправильным. Конечно, Веньян не сомневался, что Ху Шень и без него прекрасно со всем справится, но в глубине души неожиданно поселилось тёмное чувство, эгоистичное желание, чтобы это было не так. Веньян хотел, чтобы в нём нуждались. И совсем не те люди, что задумали возводить ему алтари и строить святилища.

Дядюшка Бэй перед уходом вручил ему письмо для старосты соседней деревни, по-отечески пожелал удачи и выразил надежду на скорую новую встречу. Веньян, не привыкший к людскому обществу, уже чувствовал от него усталость и поспешил откланяться.

Дорога в одиночестве ощущалась как блаженство, жаль только, что не заняла много времени. Свежий утренний воздух пах росой и дикими яблоками. Веньян вдохнул полной грудью, успокаивая разбушевавшееся сердце.

Соседняя деревня оказалась больше и оживлённее, но стоило Веньяну войти в ворота, на него вновь устремились десятки заинтересованных взглядов. Вновь ощутив прилив странного раздражения, он решил не терять времени зря. Заметив неподалёку небольшую лавку с тканями, он сделал мысленную пометку обязательно заглянуть в неё на обратном пути — в прошлый раз ему не удалось достать для Ху Шеня новых одежд, в этот он твёрдо намерен завершить задуманное.

— Вы, должно быть, Шуан-цзюнь?

Тонкий неуверенный девичий голосок вывел его из раздумий. Девушка-пастушка смотрела на него с уже привычным благоговением и надеждой. Дождавшись согласного кивка, она улыбнулась с радостным облегчением.

— Мы так давно вас ждём, уже и не надеялись. Спасибо, что откликнулись, — низко поклонившись, она взмахнула рукой, указывая путь, — дом старосты находится в конце улицы.

Поблагодарив девушку, Веньян поспешил в указанном направлении. Раздражение нарастало как снежный ком — его ждали, его благодарили, хотя он ещё совсем ничего не сделал. В глубине души Веньян понимал, что для этих людей одно то, что кто-то просто не отказал им — уже достойно благодарности, но он ничего не мог с собой поделать. Ху Шень не воспитывал его как героя, и Веньян не был готов стать им в мгновение ока.

К его облегчению, в доме старосты никто не стал падать ему в ноги и слёзно благодарить. Родители девочки, как и сам староста, слишком сильно обеспокоенные её состоянием, не желали терять время в учтивых формальностях и Веньян был им благодарен. Проведя его в маленькую, едва освещённую комнатку, они лишь бросили на него взгляды, полные отчаяния и безысходности, и поспешили удалиться.

Девочка, лежащая на низкой кровати, на вид была не старше пяти лет и походила на

восковую куклу — дышала медленно и почти незаметно и была холодна как лёд. На столике рядом — пахучие травяные настои, у изголовья — жёлтый защитный талисман. Веньян взял его в руки, внимательно вчитываясь в иероглифы. Пустышка. Родители девочки, пребывая в отчаянии, видимо, соглашались на все возможные методы лечения и даже не задумывались, что талисманы без вложенных в них духовных сил заклинателя — не более, чем клочок бумаги с бессмысленными словами. Заклинатели же давно покинули север, а значит и талисманы тут некому изготавливать. Веньян извлёк из рукава настоящий. Вложив совсем немного духовных сил, он огладил красные иероглифы подушечками пальцев и талисман засветился, вспыхнул блуждающим огоньком в ночи. Поместив его на изголовье вместо старого, Веньян огляделся.

Барьер на севере служил преградой между живыми и мёртвыми. Он манил к себе тысячи душ, чтобы те, пересекая его однажды, никогда не смогли вернуться обратно и сотворить что-то плохое. Но то ли он не был идеальным, то ли некоторые души были так сильны в своём горе и отчаянии, что отказывались пересечь его, оставаясь где-то неподалёку.

Девочка на постели впервые за целую неделю вдохнула полной грудью. И тогда Веньян увидел её. Бледный силуэт девушки в простых крестьянских одеждах. Она тянула руки к ребёнку, но теперь настоящий талисман не давал ей приблизиться. Она тянулась снова и снова, пока, наконец, не упала на колени, запустив руки в волосы в полном отчаянии. Мёртвые не могут ни кричать, ни плакать, но Веньян будто слышал её стенания, ощущал её боль как свою. Его позвали сюда спасти ребёнка. Но Веньян мог спасти обеих.

Когда-то давно Ху Шень научил его создавать запечатывающие предметы — маленькие фигурки из ивового дерева, способные хранить в себе беспокойные души. Они могли иметь любую форму или не иметь её вовсе, но Веньяну больше всего нравилось вырезать их в форме человечков — дань прошлой жизни умерших.

Девушка, замерев и даже не смотря на Веньяна, всё глядела на девочку на постели — к ней уже возвращался здоровый румянец и задрожали ресницы. Веньян подошёл к растерянной девушке, даже мысленно не называя её призраком, и положил ладонь на опущенную голову. Конечно, она прошла сквозь, ощутив лишь покалывающий холодок. Деревянная фигурка с глухим стуком прошла сквозь неё, гулко ударившись об пол.

Девушка исчезла.

Деревянный человечек на полу замерцал бледным голубым свечением.

Девочка на постели медленно открыла глаза.

Домой Веньян возвращался с радостью. В сердце ещё болела эфемерная тяжесть — так всегда бывает после общения с мёртвыми, но даже она не могла испортить то чувство предвкушения, горевшее в его груди тёплым огоньком свечи.

Отказавшись от денег, в качестве благодарности за помощь Веньян всего-то попросил пару комплектов новых одежд. Ему отдали лучшие из имевшихся — ткань, конечно, была грубой, но пошито всё было на совесть. Ему так не терпелось вручить подарок Ху Шеню, что он совсем не обращал внимания на происходившее вокруг.

Выжженные земли представляли собой огромную пустошь, которую люди обходили десятой дорогой. На ней негде было спрятаться, но и следить за одинокой фигурой, единственной на десятки ли, можно было с очень далёкого расстояния.

Дойдя до барьера, Веньян привычно коснулся ладонью холодного, гладкого стебля бамбука. Барьер задрожал, расступаясь.

Двое мужчин, следовавших за ним от самой деревни, переглянулись. Одеты они были так же просто, как и все местные жители, но в гордой осанке и строгой выправке, если присмотреться внимательнее, можно было прочесть военную дисциплину.

— Император должен об этом узнать.

Комментарии и примечания:

[1] Шуан-цзюнь — значение иероглифа «шуан» (冪) — чистый, ясный (сердцем), открытый (душой); иероглиф «цзюнь» (冪) имеет много значений, но чаще всего ассоциируется с понятием «благородный муж» или «господин».

<http://bllate.org/book/14934/1323653>